

Отклики Реплики Заметки

«Прообраз пушкинского «Демона» — назвал свою заметку Николай Дамдинов («Вопросы литературы», 1972, № 8), высказав предположение, что таковым является «первый декабрист» Владимир Федосеевич Раевский. Как ни оригинальна на первый взгляд эта мысль, она вызывает возражения — и в частном и в общем: пушкинский Демон — не В. Ф. Раевский, Демон — вообще не лицо пушкинского окружения.

Прежде всего, не убеждает утверждение, что «отдельные черты характера» Раевского «поразительно совпадают с теми чертами, какими наделяет Пушкин своего «Демона». Вот на каких фактах базируется это утверждение. Раевский раскритиковал юношеское стихотворение Пушкина «Наполеон на Эльбе», да еще без всякого «снисхождения к возрасту автора-лицеиста», — делается вывод: «Жестокий спорщик! Поистине «злостный гений!» Раевский аскетичен («Любовь ли петь, где брызжет кровь»), — стало быть, появляется пушкинская строка «Не верил он любви, свободе...». Отрицание у Раевского «носило, казалось, всеобъемлющий характер», — следовательно, именно про него сказано у Пушкина:

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Между тем стихотворение «Наполеон на Эльбе» Н. Дам-

**ПУШКИНСКИЙ
«ДЕМОН» — НЕ
ПОРТРЕТ**

динов сам называет одним из «слабых стихотворений Пушкина», и хотя известно, что поэт сурово относился к своим лицейским произведениям, автор предлагает исходить из того, что Пушкин обиделся на критику Раевского и увидел здесь нападки на «вдохновенные искусства» вообще. И как можно революционное отрицание, пусть даже носившее «всеобъемлющий характер», смешивать со скептицизмом?

Это то, что касается «поразительного» сходства «отдельных черт» Раевского и Демона. Но ведь были и резкие различия! Пушкинский Демон, как Демону и быть полагается,— безоговорочный скептик. Таковым (ни объективно, ни в пушкинском восприятии) не был и не мог быть Раевский, трезвый практик декабристского движения, который, по самохарактеристике, «летел к известной цели...». Н. Дамдинов отмечает «единодушие» во взглядах Раевского и Пушкина на самовластье, крепостничество, в отношении к правящему дворянскому классу; здесь отрицание опять-таки не имеет ничего общего со скептицизмом. Пушкина привлекает замечательная ученость Раевского; поэт сам в послании к Чаадаеву 1821 года высказывает стремление «в просвещении стать с веком наравне». Если пушкинское выражение «Не верил он любви...», куда ни шло, приложимо к Раевскому, то как про декабриста Раевского сказать: «Не верил он.. свободе»?

Таким образом, и «поразительные совпадения» черт Раевского и Демона подтянуты, и различия слишком велики.

Н. Дамдинов вовсе изъял «Демона» из контекста пушкинского творчества. Однако конкретно-исторический подход к стихотворению приводит к отрицанию связи Демона с Раевским. Годом раньше «Демона» состоялся прямой стихотворный диалог между Раевским и Пушкиным: Раевский пишет «К друзьям в Кишинев» и «Певец в темнице», Пушкин дважды отвечает посланиями к В. Ф. Раевскому («Не тем горжусь я, мой певец» и «Ты прав, мой друг — напрасно я презрел»). Диалог весьма примечательный. Раевский выступает отнюдь не как скептик, но как человек твердых убеждений, от Пушкина он требует гражданских, политических стихов. Пушкин же предстает как раз скептиком. Он ни в малейшей степени не разочарован в идеях вольнолюбивой поэзии, но считает их преждевременными, чуждыми массе:

Я говорил пред хладною толпой
Языком Истины [свободной],
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

В послании высказано и общее разочарование:

Но все прошло! — остыла в сердце кровь,
В их наготе я ныне вижу
И свет и жизнь и дружбу и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Послание к Раевскому — явная предтеча «Демона». И в этом стихотворении Пушкин полемизирует с Раевским! Как же можно после этого считать Раевского прототипом Демона?

Если бы «Демон» был написан в конце 1820—в 1821 году, в пору личного общения Пушкина с Раевским, аргументация Н. Дамдинова была бы более весомой. Но «Демон» был написан в 1823 году, когда Раевский за свои убеждения и практическую революционную деятельность был заточен в тюрьму. ореол мученика за идею должен был окончательно снять с Раевского в сознании Пушкина образ скептика, даже если такой образ первоначально сложился. Либо надо признать «Демона» загадочным анахронизмом, что недопустимо в отношении к пушкинской поэзии, необыкновенно чуткой к событиям дня.

И сомнительность сходства Раевского с Демоном, и несомненное отличие «первого декабриста» от Демона, и стихотворный диалог двух поэтов, в котором позиции оппонентов прямо противоположны схеме Н. Дамдинова, и арест Раевского к моменту написания «Демона» — все это говорит против гипотезы Н. Дамдинова.

Наконец, на попытке разыскать прототипы Демона лежит пушкинский запрет. Вот цитируемое Н. Дамдиновым возражение Пушкина современникам, пытавшимся видеть в Демоне черты А. Раевского: «...Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они не правы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную». Н. Дамдинов пытается перетолковать Пушкина, делая такие выводы: «Первый. Прототип у героя этого стихотворения, несомненно, был, но автор по каким-то причинам не желает раскрыть его. Второй. Читатели ошибаются в своих догадках — не то лицо они предполагают».

Между тем из пушкинской самооценки вывод следует совсем другой: прототипа у героя нет по той причине, что «Демон» — вообще не портрет, ибо цель у стихотворения иная, нравственная.

«Демон» — свидетельство и одно из ярких выражений острейшего духовного кризиса Пушкина периода южной ссылки. По напряженности и контрастности настроений этот период в творчестве поэта не имеет себе равных.

1823 год, год «Демона», — вершина кризиса и начало преодоления его: это и год первой главы «Евгения Онегина». Главное разочарова-

ние Пушкина — в романтизме, сначала в политическом и следом — в литературном. Выход из кризиса произошел на путях реалистического творчества.

...Возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства,—

в этих словах «Демона» сосредоточены важнейшие атрибуты поэзии романтиков, и они отвергнуты скептицизмом Демона.

Поэзия, как ангел-[утешитель],—
Спасла меня; и я воскрес душой,—

это слова из черновой рукописи стихотворения «...Вновь я посетил»; стихи проинизаны воспоминанием о том времени, когда широко и свободно звучала именно реалистическая пушкинская поэзия.

«Демон» — итоговое и программное стихотворение Пушкина. Однако итог здесь промежуточный, далеко не окончательный. Скептицизм не мог долго владеть жизнелюбивой, оптимистической, всегда пробуждавшей «чувства добрые» лирой поэта.

Ю. НИКИШОВ

г. Курган

ПОТРЕБНОСТИ НАУКИ И ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОГРАФИИ

Вопрос о состоянии советской литературной библиографии, о том, как она удовлетворяет потребности науки, периодически поднимается на страницах печати. Нет нужды перечислять те тревожные выступления — часть из них принадлежала перу крупных ученых-литературоведов, — которые появлялись у нас за последние пятнадцать—двадцать лет

Мы не будем в этой статье обороняться от упреков, а попытаемся поставить вопрос о библиографии как проблему. Да, объем печатной продукции неудержимо растет. Из общего числа издающихся в СССР ежегодно 85 тысяч книг и журналов на долю художественной литературы и литературоведения приходится около 10 тысяч. Еще значительнее количество статей в газетах и журналах. Но статистические данные, если их использовать не только для иллюстрации, но и для анализа существующего положения, не ошеломляют и не «обрушиваются» на головы, — они просто заставляют думать. Потребитель информации (так «научно» теперь называется читатель) должен думать не о растущем ее объеме, а о методах ра-

8 1973

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Основан в 1957 году

Ежемесячный журнал

Орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы
имени А. М. Горького Академии наук СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ. ИСКУССТВО. КРИТИКА

- 3 **В. ОСКОЦКИЙ.** Роман и история
46 **Г. КУНЯВСКИЙ.** Что же такое НТР? (Взгляд
изнутри)

- 70 **И. ФРАДКИН.** Тривиальная литература —
кому она служит?

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

- 104 **Г. БЕРЕЗКО.** Несколько необязательных со-
ветов (Статья третья)
122 **А. ЧАКОВСКИЙ.** Документ, вымысел, образ
154 **К. ВАНШЕНКИН.** Стихотворение и песня

Как мы пишем

- 164 **Л. ПРОМЕТ.** То, что я уже знаю
168 **Г. ЧИКОВАНИ.** Слушая жизнь

В стихах — о поэтическом искусстве

- 172 **Э. МЕЖЕЛАЯТИС,** **Л. ПЕРВОМАЯСКИЙ,**
В. МИКУШЕВИЧ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Наследие революционных демократов и со-
временность

- 176 **П. НИКОЛАЕВ.** Источник эстетических кри-
териев

ОТКЛИКИ. РЕПЛИКИ. ЗАМЕТКИ

- 206 **Ю. НИКИШОВ.** Пушкинский «Демон» — не
портрет

АВГУСТ

ИЗВЕСТИЯ

МОСКВА